

**ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)**

Институт философии

Кафедра Этики

Зав. Кафедрой этики

Перов Вадим Юрьевич

Председатель ГАК, профессор

Громова Лариса Алескеевна

**Выпускная квалификационная работа на тему:
Страх как фактор моральной легитимации насилия**

По направлению - 033700 «Прикладная этика»

Рецензент:

Д.филос.н., доцент

Алейников Андрей Викторович

_____ (подпись)

Выполнил: студент

Чуркин Арсений Дмитриевич

_____ (подпись)

Научный руководитель:

К.филос.н., ассистент

Щукин Денис Андреевич

_____ (подпись)

Санкт-Петербург

2016

Содержание.

Введение.....	3
Глава 1. Феномен страха.....	6
1.1. Определение страха.....	6
1.2. Два типа страха.....	10
1.3. Значение страха в современном обществе.....	14
Глава 2. Феномен насилия.....	19
2.1. Определение насилия.....	19
2.2. Виды насилия.....	25
2.3. Этический анализ феномена насилия.....	28
Глава 3. Насилие как следствие страха; страх как следствие насилия.....	35
3.1. Террор и легитимное насилие.....	35
3.2. Терроризм.....	40
Заключение.....	49
Список Литературы.....	53

Введение.

Заявленная тема выпускной квалификационной работы – страх как фактор моральной легитимации насилия – является одной из самых обсуждаемых в связи с происходящими событиями в мире. Высокая актуальность данной темы вызвана рассмотрением проблем современного состояния общества, его процессов и культуры. Данная тема также представляет собой моральную рефлексию современных событий, что, помимо актуальности, выявляет в ней теоретическую значимость рассмотрения проблемы.

Данное исследование позволяет проанализировать феномен страха, с последующей его концептуализацией и рассмотреть в качестве необходимого элемента современных событий. Страх, как актуальный феномен современного общества подталкивает к рассмотрению другого значимого явления – насилия, которое очень часто становится необходимой основой для эскалации страха от простого психологического чувства к общественному мировоззрению. Следует добавить, что именно насилие создает возможность рассмотрения страха как предмета моральной рефлексии.

Цель данной работы – рассмотреть с моральной точки зрения возможные виды связи страха и насилия как феноменов современного общества.

Достижение поставленной цели предусматривает постановку и поэтапное решение следующих взаимосвязанных задач: во-первых, проанализировать феномен страха с точки зрения разных гуманитарных наук, концептуализировать данное понятие и определить связь с моральной сферой. Во-вторых, рассмотреть феномен насилия и выявить его природу, определить и классифицировать основные виды насилия, рассмотреть оценку насилия с этической точки зрения. В-третьих, выявить и рассмотреть объективацию связи страха и насилия в понятиях террора, легитимного насилия и терроризма.

Цели и задачи написания работы определили ее структуру, которая состоит из введения, трех глав, включающих три параграфа, заключения и списка литературы.

Первая глава работы посвящена рассмотрению феномена страха, на основе монографии норвежского философа и культуролога Ларса Свендсена, с точки зрения психологии, культурологи, философии. Данное рассмотрение будет дополнено философским анализом трактата «Понятия страха» Серена Кьеркегора, и добавлено рассмотрение этического анализа страха на основе исследований Пустовойт Ю.В.

Во второй главе будет рассмотрено понятие насилия с точки зрения Ханны Арндт и Славоя Жижека, представляющих политологический, философский и культурологический позиции. Так же будет проведена этическая аналитика насилия на основе статей известных современных российских исследователей морали – Гусейнова А.А. и Апресяна Р.Г.

В третьей главе будет представлен анализ таких явлений как террор, легитимное наказание, терроризм на основе работ философских и культурологических работ современных исследователей Ханны Арндт, Мишеля Фуко, Жана Бодрийера.

Данный выбор авторов объясняется новизной и современностью проблемы. Степень разработанности проблемы в отечественной литературе невысока: из современных авторов можно выделить корпус статей о насилии авторства сотрудников сектора этики ИФ РАН – Гусейнова А.А., Апресяна Р.Г., так же стоит отметить этическое исследование страха в виде статей и диссертации на эту тему, автора Пустовойт Ю.В.

В зарубежной литературе анализ насилия представлены известными философами, культурологами, такими как Ханна Арндт, Славой Жижек, Мишель Фуко, Жан Бодрийер. Современное исследование феномена страха был проведено Ларсом Свендсеном, а философское открытие темы страха

было сделано протоэкзистенциалистом и религиозным философом - Сереном Кьеркегором, раскрытие данной темы было продолжено в русле течения экзистенциализма.

Глава 1. Феномен страха.

1.1. Определение страха.

Для определения понятия страха, необходимо рассмотреть концепции современных авторитетных исследователей, норвежский философ и культуролог Ларс Свендсен в своей работе исследует феномен страха с позиции разных наук: культурологи, психологии и философии. Данный анализ имеет междисциплинарный характер и эффективно может рассмотреть феномен с разных точек зрения. Явление страха укоренено в самой человеческой природе, поэтому страх проявляется как внутренней психологической области человека, так и во внешнем социальном пространстве. Без многостороннего рассмотрения невозможно создать получить полное представление о том, что такое страх.

Стоит начать с психологического рассмотрения страха, так как, в первую очередь, страх ассоциируется именно с острым, подавляющим чувством, мотивированным опасностью предмета страха. Психологическое объяснение может оказаться надежной основой для рассмотрения страха с других позиций. Страх это чувство тревоги, вызванное возможным столкновением с опасностью, которое несет в себе потерю значимых ценностей для того, кто испытывает страх. Одна из особенностей чувства страха - интенциональность, оно направлено на конкретный предмет, страх – это страх чего-то. Он является мотивом к защите от опасного предмета. Человек реагирует бегством или сознательной отстранённостью от предмета страха. Суть страха в представлении отрицательного исхода ситуации и потерей ценностей, значимых для человека. Именно для него это становится злом, и он будет бояться возможного проявления зла.

Так как страх обязательно имеет в себе предмет негативного внимания, то реакция субъекта будет направлена на сам объект, а не на собственное чувство страха. Объектами могут быть как внутренние состояния так и

внешние объективные причины. Можно бояться ядерной войны, как объективной потенциальной опасности, а можно бояться потерять свой статус из-за неосторожно сказанной публично фразы, что будет уже субъективным страхом, который ведет к потере значимых для человека вещей.

Классификация предметов страха может быть проведена на потенциальные, и актуальные. Очень важный аспект для понимания чувства страха заключается в том, что страх находится в возможности и, по сути, предметы страха являются несовершенными действиями. Предмет страха полностью располагается в будущем, а чувство отсутствия безопасности терзает человека в настоящем. Формально, в страхе отсутствуют объективные причины боязни. Даже самые актуальные предметы страха, находятся в не твёрдой причинно-следственной связи, а оставляют место надежде. Потому что страх угрожает потере ценностей, то есть человек еще как минимум, надеется на сохранение важных вещей. Отсюда вытекает парадокс: если события начинают разворачиваться по самому худшему сценарию, совпадающему с объектом страха, то человек перестает бояться, когда встречается с предметом страха. Таким образом, страх всегда остается в возможности и в неопределённости исхода событий. Страх порождает риск, и наоборот - риск порождает страх. Риск это обозначение опасности поступка, но с акцентом на возможный благополучный исход. Риск связан со следствием столкновения с объектом страха, а не с фактом возможности.

Различием опасности объекта в вопросе о его потенциальном или актуальном характере является проблема количества информации и адекватной оценки. Количество информации можно всегда пополнить, но степень адекватности оценки не поддается исчислению, потому что она отражает субъективный опыт, и эмоциональный фон. Это говорит о сложности различения двух типов объектов страха. Можно заключить, что в связи с большей нестабильностью

и раздражительностью эмоционального фона человека, существует тенденция к редуцированию потенциальных угроз в актуальные.

Такая направленность ведет к тому, что объектов страха становится огромное количество, и оно будет только продолжать расти. Страх имеет эффект заразительности и быстро распространяется как во внутренней системе оценки опасностей человека, так и среди людей. «Страх заразителен. Стоит кому-то испугаться чего-либо, как сразу беспокойство распространяется вокруг на других, и те, в свою очередь, передают страх дальше. Это происходит даже в том случае, когда страх изначально не имеет рационального обоснования»¹. Быстрое распространение страха в человеческом сознании даже имеет физиологическое обоснование. Например, Свендсен приводит научные данные физиолога, который утверждает, что «органы страха» можно развить «Американский нейрофизиолог Джозеф Ле Ду считает доказанным,... что органы, участвующие в этом процессе, фактически развиваются, как будто происходит совершенствование способности организма чувствовать страх».²

Чувство вызывается и поддерживается эмоциями, интенсивность которых влияет на качественное различие. Страх можно разделить на два идеальных типа - не глубокий, «повседневный» страх, и фундаментальный страх, как образ жизни. Такое различие интенсивности определяет его предмет. Поверхностный страх обычно связан с повседневными предметами, актуальность которых довольно высока, но степень возможного причинения зла небольшая. Глубокий страх, в отличие от первого имеет более беспредметный характер и связан с возможностью утраты фундаментальных ценностей.

Страх как физиологическое чувство вызывает определенные реакции как в физиологическом, эмоциональном плане, так и на уровне чувств. Одной из

---

¹Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. - М.: Прогресс-Традиция, 2010. С.27.

²Там же. С.50-51.

физиологических и инстинктивных реакций является желание бегства, и полного отсутствия контакта с предметом страха. Еще одной естественной реакцией на страх является агрессия. Становясь агрессивным, человек начинает защищать свои ценности, на которые нацелен предмет страха. Интенсивная эмоция страха подавляет рациональность, что может быть следствием увеличенной агрессивности, либо трусливости. Часто, агрессия оказывается направлена на предмет страха, который, в сущности, не несет угрозы. Например, когда человек, страдающий арахнофобией убивает домашнего паука, используя для этого, специальные средства сильной дезинфекции.

Тенденция с вирусным проникновением страха в жизнь человека обусловлена, что страх как эмоциональное переживание делает жизнь человека насыщенной. Стоит заметить, что хоть он и имеет заразительный эффект, но уровень интенсивности отдельного чувства выше не становится. Страх физиологически вызывает прилив адреналина в крови, и чувство повышенного тонуса. Например, некоторые люди специально ищут дополнительные возможности испытать чувство опасности. Это хорошо демонстрирует популярность экстремальных видов спорта и фильмов-ужасов, которое несут в себе страх и риск. В этой тенденции можно найти культурологическое объяснение, связанное с тем, что рутинная жизнь оказывается нагружена действиями совершаемыми по привычке, которые не несут в себе удовлетворения и не влияют на эмоциональный фон. Поэтому чувство страха, является самым раздражителем эмоционального фона. Его можно легко вызвать, в отличие от других эмоционально насыщенных чувств, потому что предмет страха иллюзорен и может быть вымышленным.

Страх привлекает. В феномене интенциональности заключается привлекательность страха. Это интерес, который вызван увеличенным вниманием к предмету. Интерес может быть как положительный, так и отрицательный. Но предмет остается в нашем сознании, пока в нас находится

страх. Именно благодаря этому механизму, человека привлекает наблюдать, когда другой сталкивается с предметом страха в живую. Человеку именно интересно наблюдать за этим, хотя вместе с интересом могут возникать чувства отвращения, либо более глубокого страха, ужаса. В этом заключается амбивалентность страха. «Более интенсивное переживание страха воспринимается как лекарство или по меньшей мере временное избавление от скуки. Внушающее страх воспринимается как нечто иное и, таким образом, противодействует скучной повседневности. Скука подталкивает к необычному».³

1.2. Два типа страха.

Психологическое объяснение страха, способно показать, как работают механизмы возникновения страха и реакции человека на состояние испуга. Но психологическое рассмотрение не берет в область рассматриваемых явлений причины страха. Так же оно оставляет без внимания вопрос смысла существования такого состояния в человеческом существе. В этой связи, необходимо рассмотреть исследование датского философа Серена Кьеркегора.

Серен Кьеркегор - известный датский мыслитель, протоэкзистенциалист, рассматривал страх как одну из философских категорий. Стоит отметить, что философия Кьеркегора религиозно ориентирована, поэтому рассмотрение данного чувства будет производиться в контексте интерпретации религиозных заповедей и историй из Библии. В трактате «Понятие страха» философ рассматривает страх «психологически» – объясняя его мотивационные механизмы, но это рассмотрение разворачивается на основе представления страха как категории человеческого существования, связанной с христианским догматом о грехопадении.

---

³Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. - М.: Прогресс-Традиция, 2010. С.138

Стоит отметить, что Кьеркегор использует разделение страха на два вида: «различает обычный страх-боязнь, вызываемый внешней причиной (Furcht), и безотчетный страх-тоску, страх-ужас (Angst)».⁴ В своем трактате он говорит о глубоком страхе (Angst). Это фундаментальный страх, возникающий в человеке в момент экзистенциального кризиса и затрагивающий его мироощущение и мировосприятие, в отличие от конкретного страха, он не имеет предмета, этот страх. Человек, захваченный angst, иногда даже не может догадаться, что он испытывает именно глубинный страх по отношению к своему бытию. Он может осознавать, что у него появилась огромная апатия, а его жизнь и усилия кажутся ничемными, у него часто просыпается тоска – это симптомы глубинного страха. Это усугубляется тем, что такой страх, на первый взгляд, беспредметен, и соответственно он не направлен даже на будущее. Это не страх возможного причинения зла, а страх находящийся в реальности, страх человека перед «ничто», чистой возможностью. По смысловому переводу, angst ближе к понятию тревоги – чувства, сопровождающегося некоторой озабоченностью о том, что данная жизненная установка или способ жизни – ненужный, неуместный.

Отталкиваясь от догматов, Кьеркегор разбирает страх в соответствии с психологическом ключе. Страх возникает в невинности, в самый последний момент перед грехопадением и перед совершением греха. Грехопадению предшествует состояние наивности. Когда Адам был в раю, он находился в состоянии невинности. Но перед тем, как Адам совершил грехопадение, он испытал чувство страха, потому что страх есть неведение, и чувство чистой возможности. Через страх можно объяснить как Адам совершил грехопадение «Страх — это не определение необходимости, но он также и не определение свободы, страх есть скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе, но скована — и не в необходимости, но в себе самой. Если грех пришел в мир необходимо (что является противоречием), значит,

---

⁴Абрамович Г. Ю. Философский анализ трактата «Понятие страха» датского философа С. Кьеркегора // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. №156.

нет никакого страха. Если грех вошел в мир через акт абстрактной свободной воли... страха опятьтаки нет. Стремиться объяснить приход греха в мир логически — это глупость»⁵. Грех понимается как религиозно-философская категория человеческого бытия. Человек по своей природе не может быть безгрешен, потому что рождается во грехе, и уже сам факт рождения является грехом. Кьеркегор говорит о том, что грех является атрибутом земного мира. Так как в человеке есть часть от мира божественного, то он испытывает страх, за совершение греха, как за недолжное деяние.

Кьеркегор разбирает этот момент в свете свободы выбора. Грех вошел в мир в момент грехопадения, а именно тогда, когда Адам вкусил яблоко с дерева познания добра и зла. Таким образом, у человека появилась возможность выбора поступков, а значит и свобода. Так как грех уже есть и человек греховен, то страх распространяется при принятии любых решений в свободе. «Страх — это головокружение свободы, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю. В этом головокружении свобода рушится»⁶. Страх появляется при выборе, потому что человек начинает бояться совершить грех, выбрать неправильное действие, пасть еще ниже.

Таким образом, страх появляется при выборе, причем при таком выборе, в котором присутствует момент греховности. Под выбором имеется в виду сама возможность сделать выбор, именно это одно из ключевых понятий категории греха. Индивид сам может сознательно следовать добру, или злу. Сознательность открывает одну из важных черт свободы – как сознательной свободы, свободы, которая существует с помощью воли человека. Это свобода для совершения каких-то поступков, можно ее назвать позитивной свободой. Греховность как позитивная свобода позволяет совершать добрые поступки. Именно в этом моменте появляется страх. «Страх принимает еще одну новую форму, относящуюся ко всей действительности, полагаемой в

⁵Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2014. С.67-68

⁶Там же. С.81

грехе, — например, чувственность, которая становится не грехом, а новой, детерминированной возможностью согрешить. Сексуальное как таковое — это еще не греховное. Ведь у индивида остается свободный выбор — грешить ему или нет»⁷. Свобода выбора увеличивает страх перед поступком, перед совершением выбора в пользу злого или в пользу доброго. Кьеркегор рассматривает страх как реакцию человека на осознание своей свободы. Страх появляется в момент неопределённости выбора, именно тогда человек чувствует чистую и таинственную возможность, пустоту, перед которой у него появляется страх. Страх как реакция на столкновения человека с «Ничто». Переход от выбора к самому действию, по мнению Кьеркегора, является качественным поступком и не может быть изложен теоретически, кроме как метафорически представлен в виде «прыжка». Именно перед качественным прыжком человека охватывает страх, открывая место возможности, заключенной в будущем, и свободе, которая, в свою очередь, атрибут греха. «Индивид страшится потерять возможность еще до того, как она предоставится. Возможное полностью соответствует будущему. Страх может существовать лишь по отношению к будущему, насколько оно возможно. Страх — это психологическая стадия, предшествующая греху. Как только полагается грех, временность становится греховностью»⁸.

Таким образом, Angst это глубинный амбивалентный страх как «симпатическая антипатия и антипатическая симпатия»⁹, выходящий за рамки обычной предметности и сталкивающий человека с чистой возможностью, самим «ничто», но в тоже время прельщает своей загадочностью. Обычно он возникает в ситуациях выбора жизненного пути, это ситуации душевных кризисов. В таких случаях возникает тревога, за то, что что-то идет не так и человек не может с этим справиться, определиться и определить свое существование.

---

⁷Абрамович Г. Ю. Философский анализ трактата «Понятие страха» датского философа С. Кьеркегора // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. №156.

⁸Там же.

⁹Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2014. С.60

1.3. Значение страха в современном обществе.

В современном обществе страх становится преобладающей эмоцией. Возникает целая культура страха. Культура, построенная на иллюзорной опасности повседневных предметов или возможных глобальных катастроф. Преобладающий страх в таком обществе является предметным, он подлежит скорее психологическому или культурологическому объяснению, нежели чем философскому анализу причины. Современная культура начинает состоять из самых опасных и страшных для человека предметов, причем достоверность риска оказывается неоправданно преувеличенной. В культуре страха люди отказываются рационально оценивать степень риска: «представление о риске основано не только на своем и на чужом опыте, но и на «чужом не-опыте», т. е. представление о риске основывается не столько на том, что фактически с кем-то произошло, сколько на гипотезах о том, что может произойти»¹⁰.

Отсутствие адекватной оценки опасности предметов и будущих явлений возникает из-за информационного типа современного общества, с одной стороны, и технологического прогресса с другой.

В современном обществе, где информация уже стала четвертым фактором производства, а каналы, по которым она передается, способны формировать общество, человек напрямую зависит от потребления информации. Средства массовой информации выбирают страх, как эмоцию наиболее подходящую для привлечения внимания общества. «Новости - это тоже развлечение, которое должно быть захватывающим, и поэтому СМИ часто пытаются установить связь между зрителем и передаваемой новостью»¹¹. В погоне за продажами СМИ начинают злоупотреблять чувством опасности, тем самым внушая обществу ложные страхи. Вначале взаимодействия и погружения в массовые коммуникации, человек проявляет повышенный интерес к информации, связанной с предостережением об опасности, он может даже не

---

¹⁰Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. - М.: Прогресс-Традиция, 2010. С.87

¹¹Там же.С.99

подвергать информацию критическому анализу, потому что относится серьезно к предупреждению. Когда информация с заявленным риском начинает поступать регулярно, у него складывается впечатление того, что мир действительно состоит из одних опасностей. Одна опасность сменяет другую, и из-за иллюзорности предмета страха и отсутствия достоверных фактов, рациональный анализ реальных следствий уступает место быстро распространяющемуся страху, который не требует доказательств. «То есть вне зависимости от того, кто является источником информации, люди воспринимают наихудший сценарий развития событий как наиболее достоверный»¹². Таким механизмом СМИ формируют культуру страха.

Вторая причина в формировании культуры страха заключается в огромном прогрессе технологий. Наука создаёт и разрабатывает новую технику с такой скоростью, что человечество не успевает осмыслить все следствия применяемых технологий. Неполная осведомленность о последствиях применения новых технологий открывает пространство для страха.

«Признание невозможности устранения непредсказуемого сталкивается с основным постулатом общества риска, а именно с тем, что жизнь может и должна быть полностью контролируемой».¹³ Немного истерическое желание тотального контроля за происходящими в жизни изменениями усугубляется высокой безопасностью жизни. Современное западное общество имеет самый высокий показатель продолжительности жизни. Люди развитых стран умирают от естественных причин. Данное общество стабильно, а на состоянии покоя невозможно долго удерживать внимание, поэтому каждая опасность раздувается до большой катастрофы, на которую будет обращено все внимание. «В мире-предупреждении будущее определяется опасностями, а не возможностями. Будущие угрозы становятся причиной для изменений, затрагивающие день сегодняшний. Мы живем с телосом, все время направленным на катастрофу».¹⁴

¹²Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. - М.: Прогресс-Традиция, 2010. С.99

¹³Там же. С.117

¹⁴Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. - М.: Прогресс-Традиция, 2010. С.128

Данный детальный анализ, проделанный в работе показывает, что страх это многомерное явление, которое можно рассматривать с нескольких позиций. Этимологически слово «страх» обозначает целую гамму разных явлений и внутренних состояний. «В русском языке слово «страх» является «собираательно общим», поскольку подчинило себе разбросанность частных, порой амбивалентных ощущений – боязни, ужаса, опасения, испуга, тревоги, собственно страха и др»¹⁵. Самая очевидная из них объясняет феномен страха, как психологическое чувство, мотивированное исходящей опасностью от предмета страха и вызывающее стойкое предубеждение о плохом исходе. Наряду с психологическим объяснением, существует философское и культурологическое, которое трактуют страх как категорию человеческого существования, корни которой лежат за пределами объяснения мотивационных процессов. Страх может индивидуальный, а может распространиться на все общество. Страх играет огромную роль в жизни человека и общества, и в том числе затрагивает моральную сферу человеческой жизни.

Моральная сфера человека, как система регуляции поведения с помощью норм и принципов, апеллирующая к системе ценностей и идеалов, включает в себя и психологические чувства. На первый взгляд, чувство страха не имеет общих точек соприкосновения с моральным сознанием. Но стоит отметить тот факт, что все авторы, кто исследовал феномен страха, разделяют его на два вида, качественно различных между собой. Их можно характеризовать как метафизический и психологический страх. Так как страх, это чувство, связанное не только с изменением эмоциональным фоном, мотивированного возможной угрозой, но и включающее в себя предмет внимания – что уже говорит о наличии рационального элемента, то оно становится предметом моральной рефлексии, как сознательное чувство. Во-вторых, последствия страха имеют моральную аргументацию: «Страх — негативная эмоция,

---

¹⁵ Пустовойт Юлия Владимировна Феномен «Страха»: взгляд сквозь призму этимологии // Вестник ТГУ. 2007. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-straha-vzglyad-skvoz-prizmu-etimologii>

обусловленная внешней или внутренней угрозой положению человека, его здоровью и жизни, а шире - ожиданием возможного будущего зла».¹⁶ Феномен страха, в своем психологическом определении связывается с негативной моральной оценкой ожидаемого события, причем оценка события влечет за собой оценку предмета страха с точки зрения той же категории. Таким образом, психологический страх выступает к моральной аргументации в отрицательном ключе.

Метафизический страх, исследованный Кьеркегором, рождается из чувства невинности и представляет собой актуализацию возможности выбора. Этот вид страха является беспредметным, в силу чего он не может быть использован как довод в пользу морально-негативного исхода ситуации. Но метафизический страх соединен с категорией свободы, как чистой возможности выбора, при учете того, что он появляется вследствие невинности и перед грехом, он имеет морально-положительный облик. Человеку становится страшно в результате смутного осознания возможности выбора, в которой может проявиться его воля, как законодательная инстанция.

Интересным так же представляется разделение страха на два типа в русле учения христианской патристики. «Человеку, по учению Святых Отцов, могут быть присущи две разновидности страха: духовный – страх Божий и душевный – боязнь (страхование)».¹⁷ Концепция «страха божьего» очень сильно перекликается с Angst Кьеркегора. В данном случае, «страх божий» это добродетель, возникающая в присутствии крепкой веры индивида в божественную силу и мощь. Она характеризуется, в отличии от боязни, отсутствием острых ощущений и наличием душевного спокойствия, потому что слово «страх» этимологически имеет большое количество второстепенных значений. «Добродетель «страха Господня» не соотносится с понятиями «страдания», «мучения», которые являются следствиями обычного страха. «Страх Господень» не отрицателен, не пагубен; он не

¹⁶Этика. Энциклопедический словарь С.456

¹⁷Пустовойт Ю.В. [Страх](#) как этическая категория в патристике. // [Гуманітарні студії](#). 2008. № 4. С. 177-180.

наносит ущерб и не дает комплекс вины».¹⁸ Предметом такого страха, формально является сам бог, но по сути является способность признать его трансцендентность и обреченные попытки познать его. «Центральной функцией страха Божия патристические тексты называют удерживание от зла и возрастание в добре, тем самым допустимо говорить о видной роли этой добродетели в механизме нравственного поступка, а также условием и критерием мудрости, мистико-этической способности к познанию сущего».¹⁹ Если в «страхе божьем» отсутствует опасный предмет страха, и он, по своей сути, является больше формой отношения к непостижимому, так как только страх из чувств обращен в будущее, которое тоже в какой-то степени является непостижимым, то концепт «страха божьего» очень сильно похож на Angst. Безусловно, в объяснении функции страха через патристику накладывает определенный отпечаток, но оно может быть воспринято, как один из аргументов в пользу того, что страх соотносится с моралью, в той степени, в какой является условием для свободного выбора.

---

¹⁸Пустовойт Ю.В. [«Страх божий» и его современное понимание: к вопросу о «растлении смыслов»](#) // [Научные труды Северо-Западного института управления](#). 2013. Т. 4. № 5 (12). С.292.

¹⁹Там же. С.293.

Глава 2. Феномен насилия.

2.1. Определение насилия.

Насилие это узурпация человеческой воли против воли самого человека. Субъектом насилия может выступать как группа людей, так и личность. Поэтому насилие можно охарактеризовать как человеческие отношения, благодаря которым объект подчиняется воли субъекта. Такой способ отношений является вынужденным со стороны объекта насилия. Само по себе насилие является инструментом, и может быть применено с помощью разных методов и средств, вплоть до лишения жизни.

Насилие разделяется на несколько видов, но чёткого их определения не существует. Каждый автор, исследующий этот феномен, выделяет свои виды насилия. Их классификация может отличаться друг от друга по разным категориям. «И, как всегда, имеется множество классификаций по разным (а также по одному и тому же) основаниям. Можно различать проявления социального насилия по их содержанию. Так, мы можем говорить о насильственных преступлениях... классифицировать насилие по сферам жизнедеятельности... Возможна классификация по субъектам насилия... И по объектам».²⁰

Одну из самых фундаментальных классификаций насилия приводит Славой Жижек. Он три вида: субъективное, символическое и системное, которые относятся к разным сферам человеческого существования. «Субъективное насилие – это лишь наиболее зримая вершина треугольника, который включает так же два других вида насилия... Есть символическое насилие... Помимо него существует еще и то, что я называю «системным насилием»».²¹ Субъективное насилие использует в качестве своих средств действия и методы, которые могут быть применены к телу, нацелены на его узурпацию. Например, причинение физической боли, пытки, лишения человека средств к

²⁰Гилинский Я.И. Социальное насилие – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 185с с.25

²¹Жижек С. О насилии. – М.: «Европа», 2010 С.56

существованию. Символический и системный виды насилия воздействует на когнитивные способности человека, они могут проявляться в навязывании стереотипов, отсутствии выбора в той ситуации, где он должен быть, во власти определённого дискурса. Разница между системным и символическим видами заключается в том, что первый располагается в социальной сфере и представляет собой давление экономической системы общества, а второй выражает давление самих форм языка, как дискурса. Насилие также классифицируется как политическое, социальное, личностное, в зависимости от субъекта и объекта.

Одним из ключевых аспектов насилия является его внутреннее значение. Насилие само по себе не самоценно и существует как средство к достижению цели. Оно инструментально по природе. «Сама сущность насильственного действия управляется категорией «средство-цель», а применительно к человеческим делам основное свойство этой категории – это риски, что цель окажется подчинена средствам, которые она оправдывает и которые требуются для ее достижения».²² В насилии нет высокой цели, ради которой насилие может оправдывать само себя. Совершая насилие, субъект либо лично, либо от лица социальной группы применяет насилие для достижения поставленного результата. Узурпация чужой воли предполагает подчинение для какой-то дальнейшей эксплуатации. Если человек не сопротивляется подчинению, или если он в подчинённом состоянии действует точно так же, как и в свободном виде, то в данных случаях речь о насилии не может идти.

Из этого можно сделать вывод, что при использовании телеологического подхода в обосновании насилия, оно полностью подлежит сфере рациональных действий или поступков. Таким образом, насилие является поступком как осознанным отношением между субъектом и объектом, в процессе которого субъект подчиняет объект своей воле с определённой

---

²²АрендтХ. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014С.81

целью и средствами, связанными с ущемлением или посягательством на важные ценности объекта.

Для детального понимания феномена насилия, нужно выявить его природу происхождения. С помощью рассмотрения его места происхождения можно составить более полную картину, что будет необходимым, для правильной постановки вопроса о последующем этическом анализе.

В современной культуре, которая опирается на научный прогресс, существует тенденция к рассмотрению любых феноменов человеческой деятельности с точки зрения естественных наук. Нейрофизиология, относительно молодая наука, набирает огромную популярность и авторитет в анализе человеческих поступков. Даже психология уже проигрывает ей, хотя последняя уже давно встала на путь эмпирических исследований и доказательств из естественных, объективных экспериментов. Безусловно, эти науки не обошли стороной такой распространённый феномен как насилие. «Когда выдающиеся представители естественных наук...объединили свои усилия, чтобы разрешить загадку «агрессивности» в человеческом поведении».²³

Нейрофизиологи исследуют основания агрессии в рефлексах человека или в поведении животных. Психологи видят факт насилия в накопленной агрессии и внезапном и резком выбросе энергии. «Нейробиолог Ян Волавка подчеркивает, что для этих целей агрессивное поведение определяется как «преднамеренное физически агрессивное поведение в отношении другого лица»».²⁴

В рассмотрении насилия фигурирует понятие «агрессивности» человека. Именно за это понятие ухватываются ученые при рассмотрении насилия как естественного феномена в человеческой природе, просто добавляя предикат «осознанная». В данном случае, это не объясняет причину возникновения насилия. Во-первых, потому что осознанные действия совершаются исходя из

---

²³АрендтХ. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014С. 68.

²⁴Гусейнов А.А. Понятие насилия // Этика / Под ред. А.А.Гусейнова и Е.Л.Дубко. М.: Гардарики, 1999. С.407.

волеизъявления, а не вследствие рефлексов, оставшихся от животного состояния человека. Во-вторых, предпосылка к пониманию насилия как естественной реакции, сложившейся в процессе эволюции, состоит в том, что человек воспринимается как разумное животное. «...я боюсь, что за этими новейшими «открытиями» маячит очень старое определение человека как *animal rationale* [разумного животного], согласно каковому определению мы не отличаемся от других животных видов, ничем кроме дополнительного атрибута разумности».²⁵ Сам по себе, насильственный поступок исходит из разумных заключений, имея под собой достижение определенной цели, которая находится вне человека. А внутренние психические состояния и скрытые мотивы направлены на удовлетворение собственных потребностей. Поэтому, естественнонаучные объяснения подменяют «осознанной агрессивностью» сложный феномен насилия.

Таким образом, можно предположить от противного, что насилие имеет рациональную природу. В самом насилии, как акте, присутствует зерно волеизъявления. Эта особенность уже была показана в определении насилия как осознанного поступка. Если начать рассматривать субъективные причины, по которым случается акт насилия, то можно выявить самую очевидную причину – желание справедливости. «Суть дела в том, что при некоторых обстоятельствах насилие, т.е. действие без предварительного разбирательства, без слов и без учета последствий, - это единственный способ выровнять весы справедливости».²⁶ Это происходит, в основном, в отсутствии других способов ее восстановить. Насилие используется как крайний метод с максимальной эффективностью, становясь односторонней защитой своего достоинства, униженного в результате несправедливости. Эта причина лежит в сфере осознанных действий человека, и предполагает насилие только как средство. Но стоит отметить, что само желание добиться справедливости через принуждение уже искажает принцип справедливости.

---

²⁵АрендтХ. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014.С. 71

²⁶Там же. С. 78

Насилие помогает обратить внимание на свои интересы, подчиняя людей и против воли завлекая их в собственный интерес. Это необходимо для того, чтобы быть услышанным. Такой механизм происходит из-за характера вербальной коммуникации между людьми. Особенность заключается в том, что суждения и единицы диалога могут высказываться без подтверждения и подкрепления фактами или намерениями, другими словами, существует ложь в человеческой коммуникации. Ложь может производить за собой двуличие, лицемерие, скрывать факты и истину. Именно против лицемерия и спрятанной истины может быть применено насилие. «Более того, если рассмотреть причины, по которым engages [вовлеченные] превращаются в engages [разъяренных], то на первом месте будет стоять не несправедливость, а лицемерие».²⁷ Вербальная коммуникация не предполагает категорическое и одностороннее понимание суждений, факт интерпретации есть всегда, и этим фактом можно воспользоваться в заранее ложной информации. Таким образом, для того, чтобы установить истину, человек прибегает к насилию, когда способ вербальной коммуникации оказывается недейственным. Установление истины при применении насилия сводится к тому, что человек, подчиняя своей воле, диктует свою истину и устанавливает новый дискурс. Она может быть отлична от изначально искомой, но при этом будет установлено устойчивое положение для передачи информации, и человек избавится от гнетущего положения неопределенности ложных заявлений.

Насилие как один из самых мощных инструментов в подчинении неразрывно связан с властью. Очень часто насилие объявляют как крайнее проявление власти. Действительно, это может показаться именно так. Власть и насилие очень похожи в воздействии на объект своих отношений: власть имеет под собой цель увеличения и распространения своей воли над покорным, то же самое можно сказать и про насилие. Различие будет заключаться, в таком случае, только в открытом применении средств принуждения. Но такое соотношение может быть неверным, потому что если насилие это крайняя

²⁷АрендтХ. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014. С.76

форма власти, то власть, как и насилие, должна обосновываться какой-то целью. При подробном анализе можно заметить, что у власти нет никакой более высокой цели, кроме ее количественного расширения, потому что власть это одна из базовых категорий существования человеческого общества. Власть может быть необходима только для поддержания власти. Поэтому можно заключить, что власть не является более обобщенным понятием насилия, и не содержит в себе зародыш насилия, как эволюционной формы власти.

Ханна Арендт определяет власть как общественный интерес. Власть может проявляться только в согласованности членов властных отношений. Это основное условие. «Власть (power) соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида...».²⁸ У человека появляется власть, когда его могут поддержать, на основании одинаковых стремлений и ценностей, одинаковых задач. То же самое можно увидеть и во власти над самим собой: мы ее имеем, лишь постольку, поскольку мы находимся в согласии самим с собой. Власть это отношение между субъектами власти во взаимных интересах. Из этого можно предположить, что во властных отношениях нет объекта власти. Власть имеет под собой социальную природу, природу соглашения, нежели чем конфликта и узурпации. В отличие от насилия власть сохраняется и воспроизводится без инструментов принуждения. Даже если говорить про власть одного человека над группой, принцип согласованности в интересах является преобладающим, потому что социальная группа отдаёт свои полномочия как субъектов власти одному лицу. Ханна Арендт утверждает, что власть противоположна насилию. «С политической точки зрения, недостаточно сказать, что власть и насилие не одно и то же. Власть и насилие противоположны; абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого».²⁹ Власть как

---

²⁸АрендтХ. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014.С.54

²⁹АрендтХ. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014.С.66

самоцельное отношение между индивидами, выражающее общность интересов, основывается на легитимности.

Насилие имеет своей целью как раз захват и удержание власти. Оно является инструментом в удержании контроля своей воли, и однородности интересов в социальной группе. Очень часто оказывается, что власть держится только на насилии. Это происходит, во-первых, из-за распространенного мнения что, власть и насилие друг друга дополняют. Во-вторых, насилие очень эффективный инструмент в использовании, благодаря нему, можно быстро добиться успеха, и захватить власть, но удержать ее не получится. Тогда, из-за боязни потерять власть, субъект начинает использовать насилие, в неограниченных количествах, представляя свою власть целиком и полностью зависящей от степени узурпации объекта власти. Таким образом, получается замкнутый круг, в котором насилие способствует поддержанию «власти» которая представляет из себя насилие. «Там, где за насилием уже не стоит сдерживающая его власть, происходит хорошо известная инверсия в соотношении средств и целей. Теперь цель определяют средства, средства разрушения, - с тем результатом, что достигнутой целью будет разрушение всякой власти».³⁰ Из такого обращения насилие увеличивается и превращается в террор.

2.2. Виды насилия.

Социальное существование человека помимо физического представления, нагружено символическим смыслом. Это сфера где проявляется системное насилие. Люди живут в обществе по определенным законам, есть правила и нормы, сообразно с которыми люди вынуждены поступать и считаться, эти нормы структурируются в кодексы и системы правил поведения, которые обрастают своим значением. Это символические структуры. Сам язык это символическая система, которая настроена на то, чтобы осмысливать

---

³⁰Там же.С.64

происходящие события и выражать их посредством знаков в виде информации.

Символическое насилие выступает как основание для функционирования знаковых систем. Это можно выразить в отношениях подчинения между способностью человека мыслить и правилами, по которым он мыслит - дискурсом. Объектом насилия становится мировоззрение человека, способность описать и объяснить окружающую реальность. Субъект насилия это сама природа символического существования человеческих знаний, поэтому насильственные отношения будут иметь необходимый характер.

Насилие заключается в отсутствии свободы выбора, в введении человека в определённый дискурс, систему знаний. Благодаря этому введению, у человека теряется свобода выбора сама по себе. Дискурс как эпистема, имеет свои границы и функционирует в них, и в эту систему, как замкнутую атмосферу, человека вгоняют предметы культуры. В системе знаний, кроме способности объяснить мир, вносится система ценностей, которая незаметно встраивается в мировоззрение человека. У человека не остаётся выбора в разнообразии эпистем, потому что принимая определённый дискурс, он встраивается в человеческое мышление, как фон, который сам по себе незаметен и высвечивает только определённые предметы. В этом механизме заключен акт символического насилия. «Как уже прекрасно знал Гегель, в самой символизации вещи, равной ее умерщвлению, содержится нечто насильственное... Когда мы называем золото «золотом», мы насильственно отрываем металл от его естественной текстуры, нагружая его нашими мечтами о богатстве, власти, духовной чистоте и тому подобных вещах, которые не имеют ничего общего с непосредственной реальностью золота».³¹

Славой Жижек объясняет механизм символического насилия с помощью различия «реальности» и «реального» в интерпретации психоанализа Лаканом. Реальность это то, что происходит с человеком в окружающем

---

³¹Жижек С. О насилии. – М.: «Европа», 2010 С.51

мире, это может быть социальная реальность. Реальность видима, она может быть воспринимаема непосредственно. «Реальное», в отличие от «реальности», не может быть познано или увидено непосредственно. «Реальное» представляет из себя процессы, происходящие на уровне символического, абстрактного. «Реальное» выражается в «реальности», посредством феноменов. Например, то, что рабочие устраивают бунт, из-за низких зарплат,- это «реальность, потому что «реальность» присуща субъекту, он в ней способен действовать. «Реальным» в этой ситуации будет капитализм, как конструкт, объясняющий тип экономических отношений в обществе. Именно капитализм определяет существование фабрик и, соответственно, ее владельца, и его желания прибыли, и рабочих со своим недовольством низких зарплат. «Сама по себе реальность в своем глупом присутствии никогда не бывает невыносимой: такой ее делает язык, его символизация».³²

Символическое насилие как власть «реального» над «реальностью» представляет основу для функционирования системного насилия. А оно, т.е. системное насилие, является основой для проявления субъективного насилия. Субъективное насилие уже предстает в виде факта, необходимости, корни которой углубляются в системное насилие. Та идеология, которая проявляет себя в символической сфере, насильно встраивает свою собственную систему ценностей. Ее механизм обусловлен тем, что сила, определяющая систему знания, сковывает выбор индивида. Ему приходится выбирать между одним или отрицанием первого – «вторым». Таким образом, если кто-то выбрал первое, то следующему человеку остается выбрать только второе. «Когда белые считают их неполноценными, они действительно становятся неполноценными на уровне своей социально-символической идентичности. Иными словами, идеология белых расистов обладает перформативной действительностью».³³ Именно в этом насильственном принятии своей роли,

---

³²Там же С.55

³³Жижек С. О насилии. – М.: «Европа», 2010. С.59

своего определённого взгляда на мир, рождается насилие субъективное, как способ противодействия, и как способ выразить несогласие с самой системой.

2.3. Этический анализ феномена насилия.

Из рассмотрения двух основных форм насилия, как символического и субъективного, и приведение аргументов в пользу рациональной природы его возникновения, можно заключить, что насилие, является неотъемлемой частью человеческой природы. Только в организованном посредством символических структур, обществе, как единственно возможной реализации этой природы, индивид способен к подлинно человеческой деятельности. Феномен насилия, представляя особую связь субъекта и объекта, подчиненного его воле, таким образом, являет собой продукт человеческой культуры, хотя бы только по тому, что принадлежит человеческой природе. Возникает парадокс, что применение насилия на практике приводит, в основном, к деградации культуры, как в обществе, так и в человеке. «Насилию нет места ни в природе, ни в пространстве человеческого разума. Оно находится между ними. Насилие может быть средством, выводящим человека из природного состояния... И оно же может быть формой провала сквозь все еще хрупкую оболочку цивилизации, обратного движения в сторону естественного состояния; по мере исторического развития оно все более выступает именно в этом втором качестве».³⁴

Мораль, как регулятор поведения человека, и область сознания, в которой возможна аргументация поступков сообразно идеалам, принимаемым человеком, всегда сталкивается с насилием. Рациональная природа обоих феноменов говорит о том, что они должны находиться в каких-либо отношениях, друг относительно друга.

---

³⁴Гусейнов А.А. Понятие насилия // Этика / Под ред. А.А.Гусейнова и Е.Л.Дубко. М.: Гардарики, 1999. С.405.

Из самого поверхностного этического анализа следует, что насилие аморально. «Мораль и насилие изначально, по определению исключают друг друга. Если мораль утверждает личность как ответственного субъекта действия и понимает пространство межчеловеческой коммуникации как взаимность добра, то насилие означает нечто прямо противоположное».³⁵ Следуя данной логике, насилие стоит понимать как конфликт с применением средств, которые могут уничтожить те ценности, что лежат в основе морали конфликтующих сторон. То есть, при применении насилия, средства, которыми пользуются субъекты отношений, могут уничтожить саму цель построения таких отношений. С другой стороны, возникает вопрос: что делать, когда только насилие может привести к поставленной цели? Например, насилие при самообороне, с целью сохранить жизнь. Будет ли это морально-негативным поступком? Скорее всего, сама ситуация не будет считаться морально-отрицательной, но факт насилия будет воспринят как негативный.

Стоит выделить очень интересную особенность насильственных отношений: они выстраиваются в ходе апелляции к морально-оправданным суждениям. «Инстанцией, которая ставит последнюю точку в системе мотиваций и дает разрешение на насильственное действие, является мораль».³⁶ Во-первых, любое насилие основывается на благих намереньях. Любая война затевается с необходимым следствием дальнейшего мира, по ее окончанию. Мирное существование представляет одно из самых важных моральных ценностей. С этой позиции видно противоречие, достижения благих целей негативными средствами. Это противоречие, обычно выражается в действительности тем, что использование насилия порождает новое насилие. Это один из самых убедительных аргументов в пользу аморальности насилия, которое скрывает свой механизм воспроизведения под маской, благих намерений. Эта иллюзия очень проста и удобна в использовании, что объясняет ее популярность.

---

³⁵Там же. С.407.

³⁶Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004. № 3. С. 25.
29

Такая моральная аргументация является недостоверной, из-за неверной трактовки морали и ее понимания ее механизмов. Основой для морального суждения является поступок, только благодаря уже совершенному осознанному действию, можно добиться благих результатов. «Насилие, таким образом, не может быть орудием добра и добрых людей, так как оно само является следствием ситуации, которая характеризуется отсутствием ясности и согласия в вопросе о том, что такое добро и что такое зло, кто является добрым, а кто злым».³⁷ Поэтому важно смотреть на сам поступок, а не только на принципы, которые распространяются в будущем. Сам выбор средства и последующая деятельность на его основе уже является частью морального акта, который отражает саму цель. Аморальными средствами нельзя добиться моральных ценностей, веря в свою правоту и правильность своего действия. В этом случае аморальные действия будут порождать аморальные результаты.

Во-вторых, взаимосвязь морали и насилия проявляется не только на телеологическом уровне, но и в моральной рефлексии самих субъектов. Для насилия как конфликта, затрагивающего моральные категории, характерно противоречие, что стороны конфликта представляют диаметрально противоположную пару. Моральная рефлексия действий будет производиться в положительных категориях, а представление другого в отрицательных.

Эскалация насилия как конфликта подкрепляется не только моральным релятивизмом в рефлексии, но и абсолютизацией сторон, что превращается в битву добра со злом, и мораль уже выступает не в функции регулятора, а главным мотивом к насилию. «...То в случае насилия его интеллектуально-идеологические усилия направлены ещё и даже в основном на то, чтобы дискредитировать противника, низвести его до уровня, который уже недостоин гуманного обращения. Конфликту придается такой вид, как если речь шла не о зле, а об абсолютном зле, и не о борьбе за какие-то конкретные цели и интересы, а о столкновении добра и зла в чистом виде».³⁸ Необходимо

---

³⁷Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004. № 3. С.24

³⁸Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004. № 3. С. 25

отметить, что абсолютизация моральных таких моральных маркеров, как добрый и злой, ведет к положительному санкционированию насилия со стороны морали. При такой взаимосвязи насилие становится тотальным и приобретает огромную разрушающую силу. Потому что «Инстанцией, которая ставит последнюю точку в системе мотиваций и дает разрешение на насильственное действие, является мораль».³⁹

Не смотря на, то, что мораль и насилие, противоположны друг другу, они тесно сплетены между собой. И, как минимум, насилие зависимо от моральных механизмов регулирования поведения, и мотивации. Как было сказано выше, их связь держится на основе одинаковой природы происхождения. Но даже на обыденном уровне морального сознания, насилие имеет ярко выраженный негативный характер.

Рассматривая насилие как аморальный поступок, стоит рассмотреть принцип талиона. Его самая известная формулировка «око за око, зуб за зуб», напрямую оправдывает насилие. В телеологический характер насилия включается моральная аргументация, основывающаяся на принципе уравнивающей справедливости. Другими словами, насилие становится необходимым для поддержания баланса статусных отношений субъектов, участвующих в насильственном конфликте. Но даже в этом принципе, само насилие воспринимается как крайняя мера, с помощью которой возможно восстановить равновесие. Путь разрешения насильственного конфликта трактуется с помощью талиона, как принцип нулевой суммы, когда противоположности будут идентично похожи одна на другую. Но, как известно, талион не прекращал насилие, а становился его катализатором. Проблема эскалации насилия при взаимном уравнивании силовыми методами состоит в том, что величину ущерба от таких воздействий невозможно оценить в универсальных единицах измерения. Принцип талиона, как прежде всего моральный принцип, формулируется в первичных для этики категориях

---

³⁹Там же.

добра и зла, а идея уравнивающей справедливости нагружает добро и зло количественными характеристиками. Таким образом, получается возможна моральная математика, где для справедливого нуля необходимо к избытку отрицательного зла, прибавить положительное добро. При переходе в дискурс насилия, вся конструкция талиона дает сбой и скатывается в затяжную кровную месть, которая теряет всякую надежду на разрешение. Это происходит из-за того, что насилие имеет качественный характер, а не количественный, вследствие того, что у насилия нет своей противоположности. В применении талиона, отрицательный избыток насилия пытаются уравнивать чем-то положительным, что может привести к состоянию равновесия – еще большим насилием. Таким образом, все переворачивается с ног на голову. «...Что уже не война является «продолжением дипломатии, или политики, или достижения экономических целей», - а мир есть продолжение войны другими средствами, - еще более убедительным является фактическое развитие военных технологий».⁴⁰

Противоположностью насилия является ненасилие. Но основная проблема ненасилия заключается в отсутствии видимого результата. Ненасилие с уверенностью можно назвать поступком, в моральном смысле этого слова. Причем морально положительным, так как ненасилие, по сути, есть удержание гнева, агрессии, направленных на господство своей воли. В акте ненасилия прослеживается подчинение средств цели, во-вторых, уважение к человеку, в-третьих, ответственность. Не смотря на свою моральную оправданность, ненасилие крайне трудно регистрировать, потому что оно представляет собой отсутствие действия. В сравнении с насилием, ненасилие хоть и выступает действительной противоположным, добрым поступком, но его непосредственная значимость остается только на уровне морального сознания, как внутренней мотивационной сферы.

---

⁴⁰АрендтХ. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014. С.15

Если насилию нельзя противопоставить ненасилие, то стоит предположить, что насилие может иметь immoralный характер. Для данного мыслительного эксперимента необходимо вывести аспекты моральной аргументаций из феномена насилия, которые были описаны выше. Во-первых, стоит отказаться от моральной телеологии и, соответственно, борьбы за высшие ценности и низвести насилие до простого инструмента принуждения для властных отношений. Во-вторых, необходимо остановить моральную рефлексию и распределение категорий «добро» и «зло» относительно субъекта и объекта. Следствием будет определение насилия как распространения своей воли на другого с помощью наиболее эффективных средств. Из распространения воли на другого вытекает два следствия: создание прочных отношений и, обеспечение общих законов на субъект и объект данных отношений. Данное описание является очень близким к определению символического насилия, рассмотренного выше. Если мыслительный эксперимент проверить в реальности, то скорее всего, его можно будет найти в идее символического насилия, как необходимом свойстве функционирования символических структур. «Необходимость может совпадать с моралью, может противоречить ей, может быть по отношению к ней совершенно нейтральной. Это не оказывает прямого воздействия на мораль. В противном случае мораль не была бы автономна».⁴¹ Таким образом, символическое насилие будет являться immoralным вариантом насилия, необходимого для создания определённого дискурса, с помощью которого возможна коммуникация субъектов. «Оказывается именно там, где люди свободно общаются друг с другом, где возникает «политическое», уже содержатся корни насилия, хотя Арндт и не признает этого столь открыто в настоящей книге. Насилие возникает, как только говорение начинает заслонять собой слышание. Из области насилия

---

⁴¹Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004. № 3. С.23.

невозможно выйти, поскольку она прямо связывается с человеческим разумом, его способностью обобщать и концептуализировать».⁴²

---

⁴²Ямпольский М. От бытия к инструментальности. Насилие входит в мир. // О насилии с.143

Глава 3. Насилие как следствие страха; страх как следствие насилия.

3.1. Террор и легитимное насилие.

Насилие как крайне обостренная форма человеческих отношений, определяющаяся властью, и в итоге ему противостоящая, применяется очень часто. Вследствие анализа данного феномена в предыдущей главе, насилие не представляется отделимым от человеческой природы и общества, хотя и принимаются самые изощренные попытки это сделать. Человечество за всю историю потратило огромное количество усилий на изобретение новых и совершенствование старых форм такого инструмента, как насилие. Можно отследить прогресс от простой формы отношений подчинения, смешанной с животной агрессивностью, к более последовательной и рациональной, иногда захватывающей целые народы – за XX век это было ярко выражено в двух мировых войнах. Насилие растет как количественно, так и качественно, смешиваясь с психологическими механизмами манипулирования для достижения большей эффективности. Это можно проследить на примере насилия, осуществляемого государством – тоталитарного террора и власти наказывать, и обращенного против него – терроризма.

Террор как явление имеет большую историю, но если насилие имманентно человеческим отношениям власти, то политика террора, как крайняя мера удержания власти, применяется, в основном, периодически. Это связано с закономерностью воспроизводства насилия: если насилие начинает менять свой характер с инструментального на самоценный, то итогом таких насильственных отношений окажется ситуация аутоагрессии и саморазрушения субъекта. Террор представляет собой наиболее интенсивный способ применения насилия для поддержания властных отношений, тот способ, когда насилие становится тотальным.

Ханна Арендт определяет террор как политику, характерную для тоталитарной идеологии. «Если легальность, как пишет Ханна Арендт,

является сущностью антитоталитарного правительства, а нелегальность присуща тираническому режиму, то террор – это способ осуществления тоталитарного господства».⁴³ Сущность террора заключается в его безграничной власти над населением. Это достигается тем, что к самому насилию добавляется фактор страха, как направленности в будущее. Это приводит к тому, что из легитимного насилия, карающего за преступление закона, которое обращено к прошлому, уже содеянным поступкам, оно становится наказанием за возможные преступления, которые еще не были совершены. Именно таким образом насилие смешивается со страхом: человек не может четко знать, за что и когда его могут наказать, и из уверенного в своих совершенных действиях преступника, он превращается в жертву возможного легитимного насилия. «Итак, социальная атомизация и страх являются предпосылкой политической организации масс в рамках тоталитарных движений. Именно наиболее деклассированные слои населения стали источником формирования политического авантюризма и революционного экстремизма».⁴⁴

Стоит заметить то, что форма воздействия страха на человека очень хорошо дополняет насилие как средство достижения и удержания власти. Существенной характеристикой страха является направленность на причинение зла как возможных последствий. В этом случае, страх открывает огромную область потенциальных угроз и опасений, что человек может сам придумать, чего ему бояться. Ожидание насилия удваивается, так как, с одной стороны, человек объективно понимает, что в данной системе государства действительно возможно применение насилия сверх меры. А с другой стороны, субъективно, потому что страх иррационализирует оценку угроз насилия, так как переводит причинно-следственную связь в хаотичное поле возможностей. Можно сказать, что страх, имеющий своим предметом

---

⁴³Мальшев М.А. Концепция тоталитаризма в творчестве Ханны Арендт // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2010. №10 С.305

⁴⁴Там же. С.311

насилие, увеличивает эффект от последнего в несколько раз, за счет признания факта насилия в субъективной и объективной плоскостях. Можно сказать, что обе стороны готовы принять насилие: субъект в своем применении, а объект в своем страхе, как взгляде на будущее.

Одна из важнейших особенностей политики террора заключается в том, что он как насилие, внушающее страх является скрытым и тайным. Террор смешивает демонстративный эффект запугивания и психологический эффект самоконтроля. «Даже тоталитарному властелину, чей главный инструмент господства - пытка, требуется властная опора - тайная полиция и ее сеть осведомителей».⁴⁵ Мощь террора заключается в том, что насилие возникает хаотично и покарает даже за то, чего не было совершено. Человек перестает здраво оценивать степень законности своих действий и начинает бояться всего. Страх, имея заразительный характер, проникает в любую возможность и становится виден всюду, сплетая реальность, наполненную исключительно угрозами и опасными предметами. Человек начинает сам регулировать свое поведение на основании страха насилия. Этому механизму способствует развитые политические приёмы, как сеть тайных осведомителей, анонимные доносы, тайная полиция. Возникает социальная напряженность и оцепенение социальных контактов, пропадает «прослойка социального клея» в виде доверия, как говорил М. Мамардашвили. Люди начинают обособляться, «атомизироваться», постепенно превращаясь в социальную массу, удобную для манипулирования. «Сегодня имеется очень много правдоподобных объяснений десталинизации России - но ни одно мне не кажется столь же убедительным, как то, что сами сталинские функционеры осознали, что сохранение прежнего режима приведет... к параличу всей страны».⁴⁶ Такая политика характерна для тоталитарного режима власти, в сущности которого лежит самовоспроизводящееся насилие. Это такой тип властных отношений, в котором средства затмили собой цели, а власть как выражение общей

---

⁴⁵АрендтХ. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014. с. 59

⁴⁶Там же. С.66

заинтересованности превратилась в свое отрицание – односторонние отношения подчинения.

Террор также применялся, например, во время Французской революции. Единственная «узаконенная» форма насилия, и, соответственно, которая может быть морально оправданна это легитимное насилие. В современном обществе оно выражается через судебную-правовую систему, когда власть государства воспринимается как общественное соглашение, на которое каждый гражданин дал свое согласие, и тем самым обязуется соблюдать закон. С этой точки зрения, насилие, совершаемое государством, рассматривается как наказание - морально санкционированная форма принуждения, которая рассматривает насилие как средство для достижения блага, причем не общего блага, а исправления объекта наказания, и его нравственного изменения. Одним из инструментов наказания является страх, и необходимо выяснить его роль, именно в этом свете подлежит рассмотрению концепция «власти наказывать».

Мишель Фуко говорит о власти наказывать в контексте исторического развития тюрьмы и уголовного судопроизводства. Государственная власть должна выполнять свою функцию общественного регулятора с точки зрения единственно возможного источника насилия с целью порядка и исполнения законов. Основной формой властных отношений государства с народом будут воплощены в виде инструменте наказания. Наказание как насилие, имеет под собой цель: исправление индивида, именно для исправления была выстроена вся пенитенциарная система.

В направлении данного исследования Мишель Фуко описывает власть наказывать с помощью исторического развития судебной-уголовной системы от аппарата пыток, до становления пенитенциарной системы тюрем. Насилие, порожденное в дискурсе наказания, служит средством для установления порядка, что, в свою очередь, ведет к поддержанию существования государства и сохранения его суверенитета. Интересен тот факт, что

универсализация тюрьмы, как вида наказания произошла относительно недавно - в XVIIIв. При господстве монархического устройства государства, наказание было телесным и имело пропорциональный характер, например, отрубая руку, вору, который совершил кражу этой рукой. Таким образом, восстанавливалась справедливость, как насилие над тем, кто совершил насилие. Источником восстановления была безграничная власть монарха. «Государь прямо или косвенно требует наказания, выносит приговор, и приводит его в исполнение, поскольку именно он как закон терпит ущерб от преступления».⁴⁷ Уголовные приговоры исполнялись публично, так как показательность являлась необходимым условием в установлении справедливости и торжестве власти монарха.

Судебная реформа изменила власть наказывать, перевернув все ее механизмы действия. Появилась универсальная мера наказаний в виде тюремного лишения свободы, объектом наказания стала «душа» как психологическая совокупность поведения и рефлексии. Судебное следствие стала открытой, а наказание перестало иметь публичный характер. пытки признаны аморальным явлением. Судебный аппарат расширился благодаря специальным экспертизам, выявляя человека на психическое здоровье. Все изменения происходили под мотивом гуманизации наказания и гуманного отношения к человеку.

Фуко видит в этом новую систему власти наказывать. Ее изменения связаны с воздействием капитализма и возрастающей мощи технологического прогресса. Наказание стало иметь больше символический характер, чем восстановления справедливости. Фуко видит негативную сторону тюрьмы в порождении феномена делинквентности. Делинквентность это такой тип рассматривания преступления, в котором корни которого находятся в биографии индивида, а не в самой ситуации, из этого следует интерпретация нарушителя как патологического индивида. «...расходящиеся линии

---

⁴⁷Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: «Ad Marginem», 1999. С.79

объективации преступника: либо как «чудовища», морального или политического, выпавшего из общественного договора, либо как юридического субъекта, реабилитированного посредством наказания. И вот, «делинквент» позволяет соединить две эти линии и создать – опираясь на авторитет медицины, психологии или криминологии – индивида, в котором накладываются (или почти накладываются) друг на друга нарицатель закона и объект научного метода... это делинквент, биографическая единица, ядро «опасности», род аномалии... Говорят, тюрьма производит делинквентов; действительно, тюрьма почти неизбежно возвращает на судебную скамью тех, кто на ней уже побывал». ⁴⁸ Таким образом, посредством идеи пенитенциарной системы, как исправления и символизации наказания из заключенных делают делинквентов. Тюрьма, таким образом, выступает очень мощным институтом нормализации индивидов и создания подчиненных системе элементов. «Действуя по всей толще общественного тела и беспрестанно смешивая искусство исправления с правом наказывать, всеобщность карцера понижает уровень, начиная с которого становится естественным и приемлемым быть наказанным». ⁴⁹

3.2. Терроризм.

Противоположным воплощением легитимного насилия порождающего страх, является терроризм. Он исходит от негосударственных структур и представляет собой настоящее нелегитимное насилие. Этот факт облегчает моральную оценку терроризма, сводя его исключительно к аморальному явлению. Но необходимо провести анализ механизма воздействия терроризма и выяснить возможные предпосылки его в современном обществе. Так же стоит попытаться рассмотреть феномен терроризма с разных точек зрения, чтобы убедиться в его аморальности или найти этическое обоснование. Самое громкое событие, которое стало краеугольным камнем в становлении

---

⁴⁸Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: «Ad Marginem», 1999 С. 372

⁴⁹Там же.С.447

современной мировой политики и культуры - это террористическая атака 11 сентября на здание Всемирного Торгового Центра.

Жан Бодрийяр проанализировал это событие в своей публикации «Дух терроризма». В данной работе представлен анализ нападения террористов на башни-близнецы. Для Бодрийяра их разрушение служит настоящим событием, в отличие от других террористических атак. Это объясняется разделением понятий: не-событие и событие. Отличием события от не-события является создание причинно-следственного «вакуума» вокруг первого. Так, настоящее событие не может быть предсказано из предпосылок повседневной жизни, оно прерывает детерминизм повседневности и порождает собственные следствия. «Но когда событие происходит, это вызывает, подобно эффекту взрыва вакуумной бомбы, асфиксию всех будущих событий. То есть оно перечеркивает не только все, что ему предшествует, но и все, что за ним следует».⁵⁰ Данное различие следует дополнить особенностью современной информационной эпохи: СМИ как основные ретрансляторы событийных новостей, в силу своей отстраненности от самих событий, искажают их своим видением и самим фактом передачи информации. Это открывает возможность сознательно исказить информацию и фабриковать события. Симулированные события являются не-событием, в силу отсутствия их уникальности и способности породить собственные следствия. Механизм создания не-события и его цель хорошо проиллюстрированы в художественном фильме «Хвост виляет собакой», где правительство приказало группе продюсеров создать инфоповод для всего населения США в виде войны Соединённых Штатов с Албанией, которой на самом деле не существовало.

Произошедшее 11 сентября событием, стало уникальным, из-за его неожиданности, также оно имело ярко выраженный символический смысл.

Во-первых, никто не ждал, и даже не думал, что террористическая атака

⁵⁰Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. С.129

сможет добраться до огромного мегаполиса, и поразить его в одну из достопримечательностей, являющуюся символом современной эпохи с точки зрения назначения и архитектуры. «Эта картина изменилась в 1973 году вместе со строительством Всемирного торгового центра. Тогда изображением системы стали перфокарта и статистическая диаграмма... которая олицетворяет уже не систему конкуренции, а цифровую и счетную систему, где конкуренция уступила место сетям и монополии»⁵¹. Во-вторых, что небольшая группа террористов сможет нанести такой колоссальный ущерб. «Отсюда такая неэквивалентность: 7000 жертв [смертей] одним ударом по системе нулевой смерти».⁵² В-третьих, теракт, не был простой случайностью и удачным стечением обстоятельств для группы иррациональных террористов, желающих попасть в рай, он был рассчитан, что говорит о том, что это не слепая вспышка агрессии, а подготовленный ход. Следует раскрыть объяснение этих причин, для того, чтобы понять природу этого события, и что оно собой являет.

Теракт 11 сентября был в высшей степени символическим событием. Данное событие больше значимо в своей интерпретации, нежели чем в непосредственной реальности. Это был символический удар, по символической системе: глобализационная модель современного общества, является символической структурой, которая в своем характере выражает безликость соответствия единому стандарту – стандарту копии. Культурная система утратила свою способность к созданию объектов, нынешнее общество является продуктом симуляции, виртуальной реальности, не способное к самоидентификации. Западное общество настолько сильно и в тоже время за этой силой не осталось какого-то ядра, со смысловой нагрузкой, в результате чего сама система становится уязвимой. Это низводит шансы на объективную войну и насилие, как борьбу двух субъектов, целью

---

⁵¹Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. С.120

⁵²Там же. С. 106.

которой является отстоять свою позицию. Дискурс глобализации настолько имеет высокую степень толерантности ко всему объектам, что снимается сама идея конфликта как противоречия ценностей. «Какой еще путь, кроме террористического, можно избрать для изменения положения вещей в ситуации полной монополизации глобальной власти, в ситуации столь чудовищной концентрации всех функций в технократической машинерии при полном единомыслии и полном отсутствии инакомыслия? Это сама система создала объективные условия для столь жестокого возмездия.»⁵³

Терроризм, который является вызовом самой системе, исходит не из антагонистического рассмотрения терроризма, как обратной стороны успешно развивающейся в истории системы господства, но как порождения ее самой. В теракте нет противостояния силы, потому что как уже было отмечено, воевать не с кем. В таком случае, оружием и главным ударом террористов в борьбе против системы была собственная смерть. Причем именно собственная смерть, а не жизнь. Право на жизнь воспринимается как самое фундаментальное право, и его использование в виде средства имеет под собой предпосылку, что существует более высокая цель. Признание жизни как последней универсальной ценности отсылает к факту мученичества, который является хорошо обоснованным и понятным поступком. Обоснованными средствами борьбы невозможно поразить систему, потому что любое обоснование будет уже встроено в саму систему. В данном случае используется смерть. Смерть как сама ценность, а не фактор для контрастного возвышения значимости жизни, это является иррациональным и абсурдным вызовом, для борьбы с системой. Техногенный способ совершения теракта оказался самым удачным, в виду своей анонимности: в этой катастрофе, даже не осталось тел умерших, что создает чувство иллюзорности самой фигуры террористов. В данном случае это показывает пренебрежение не только своей жизнью, но и своей смертью, как

---

⁵³Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. С.99

настойчивой волей. «Все очень просто: то, что представляется нам как самоубийство, является невозможным обменом смертью, вызовом системе, брошенным при помощи символического дара смерти, которая становится абсолютным оружием».⁵⁴ В этом и состоит сосредоточение удара террористов – внушение, что сам теракт был иррациональным стечением обстоятельств, сбоем в системе ценностей глобализационного общества, на который невозможно ответить, не иначе как, не убив в себя в ответ. Этот удар был безвозвратной жертвы, потому что он не имел даже материальных следов, в виде оружия или тел. Именно это и самое уязвимое место системы – факт того, что система может все объяснить, но не данную абсурдную ситуацию с нулевой смертностью. «Речь идет о том, чтобы просто разрушить систему — которая сама безразлична к собственным ценностям — ее собственным оружием. Не только ее технологическим оружием, но и тем, что террористы усваивают прежде всего и из чего делают свое решающее оружие, — это бессмыслица и безразличие, которые лежат в основе системы».⁵⁵

Данный теракт не был полностью иррациональным и безотчётным действием. Террористы использовали единственный действенный способ борьбы с системой и ее объективацией как глобализационной культуры – символический удар по пустой сути системы, как безличной всеохватывающей бюрократии. По сути, это событие вызвано самой системой, из-за того, что у нее нет цельного осмысленного набора ценностей. Терроризм становится всего лишь средством, которое единственно способно задеть систему и создать такой акт насилия, в котором объектом станет сама система. С этой точки зрения, сам факт терроризма становится имморальным. Потому что он нацелен не на совершение зла, а является закономерным следствием символического насилия, которое система распространяла на

---

⁵⁴Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. С.135

⁵⁵ Там же. С.154

свои элементы, в следствие чего появилась реакция в виде обратного уже субъективировано насилия. «Следовательно, если терроризм проистекает из избытка реальности и его невозможного обмена, из этой щедрости без возможности возмещения, из принудительного урегулирования конфликтов, тогда искоренение его как объективного зла — полная иллюзия, поскольку терроризм, как он есть, в своей абсурдности и своей бессмыслице, является осуждением и приговором, который это общество само себе и выносит».⁵⁶

Нынешняя сложившаяся ситуация, в отличие от событий, рассмотренных Бодрийяром, очень сильно напоминает своим поведением не мотивы войны с системой, но движимые какими-то чувствами редкие вспышки гнева, или простой агрессии. С помощью концепция ресентимента можно попытаться объяснить возрастание террористических актов и причин их возникновения. Эту позицию представляет Славой Жижек. Терроризм как вызов глобализму возникает из-за глухих желаний признания уникальности своей культуры. Террористы, в таком случае, выступают защитниками своего образа жизни своей культуры, без открытого насильственного конфликта, в виде войны пытаются оказать давление даже больше не население страны или политического субъекта, но на саму идею всеполагающей культуры. Это потенциальное ведение террористической войны, а, так как экстремисты используют страх как катализатор насилия, то вся война сводится не к противостоянию двух сторон, а к возможности войны. Страх убеждает, что предмет угрозы находится в непосредственной близости и исходящая от него угроза максимальна, страх создаёт иллюзия вечного присутствия предмета. Современный терроризм, как война, ведущаяся по механизмам страха, имеет своим следствием факт вечного присутствия, в своем отсутствии. Главная мощь терроризма заключается в потенциальности угрозы, поэтому даже от небольшого теракта, из-за двойного ожидания страха, механизм которого был раскрыт выше, эффект увеличивается в несколько раз. Придание мнимой

---

⁵⁶Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. С. 166

иррациональности действиям экстремистов, создания из собственной смерти оружия увеличивает сам страх, переводя его из объективно-обусловленного, в некое подобие Angst, как встречу с чистой возможностью насилия, которую невозможно предугадать, и являясь непостижимой и абсурдно отважной, она представляет собой жестокую необходимость божественного порядка. Таким образом, в террористическая деятельность достигает своей цели только тогда, когда она явлена в своем отсутствии, как тотальная угроза. Другими словами, событие теракта определяется способностью порождения собственного следствия и, тем самым, перечеркивания естественного хода событий.

Субъектом страха, как и положено, выступает мирное население. В современном мире прослеживается направленность на учащение терактов. Прямое следствие такой логики событий будет состоять в открытом противостоянии. Из терроризма как потенциального, но от этого действенного, вида противостояния, он переходит в череду актуальных атак, связанных причинно-следственной связью. Для объяснения данной тенденции, необходимо найти другое основание, потому что это противоречит логике единственного возможного ответа системному насилию. Если это уже не противопоставление своей деятельности тотальной диктатуре системы, то, возможно, это выражение собственных страхов и надежд внутри этой системы. «Проблема фундаменталистов не в том, что мы считаем их хуже себя, а скорее в том, что они сами втайне считают себя хуже нас».⁵⁷

Зависть является главным мотивом создания и поддержания ressentiment. Для зависти необходимым условием является объект желания, все действия будут иметь его как отправную точку. Объект зависти имеет свойство быть искаженным, он идеализируется либо в положительную сторону, либо в отрицательную. Значение ressentiment, созданным Ницше состоит в том, что это «мораль рабов», захватившая власть в оценке социальной реальности.

---

⁵⁷Жижек С. О насилии. – М.: «Европа», 2010. с.70

В основании ресентимента присутствует несимметричная дихотомия господ и рабов. Различие заключается в обосновании ценностей, аристократическая мораль автономна и не ссылается на внешние источники, в то время как, мораль рабов основана на дескриптивно-оценочном принципе, зависящего от внешнего предмета, что является основой чувства зависти. Для морали ресентимента необходима поддержка извне, которая будет являться основой для критики, что, в свою очередь, оправдывает мораль ресентимента. Мораль рабов является реактивна, нежели чем активна. Для ресентимента как реакции, достижение справедливости лежит в основе мнимой уравнивающей справедливости: легче всего убрать разницу, нежели чем прибавить ее. Таким образом, удовлетворения больше принесет потеря другого, нежели чем собственное приобретение. В таком случае в самом терроризме проявляется чувство страха, нежели чем он является его источником. «Ницше выделяет в качестве одного из критериев, по которому мораль рабов как ресентиментная мораль полностью отличается от морали господ — эта смена знаменуется переходом от принципа, регламентирующего реактивное поведение (каким, несомненно, является талион) к принципу, регламентирующему инициативное поведение (каким, несомненно, является золотое правило)».⁵⁸

Нынешняя деятельность терроризма уже предстаёт в свете информационного послания. Одна из возможных причин, почему террористические организации спонсируются некоторыми правительствами, состоит в том, что террористическая деятельность воспринимается как зависть. В таком применении насилия сказывается мотив отчаянья из-за неудавшихся отношений, или неудачных переговоров и непреодолимом чувстве отчужденности. Насилие прокладывает путь к коммуникации, и, в конечном итоге, само становится видом коммуникации. Необходимой предпосылкой для коммуникации становится общий дискурс. В поиске возможных общих оснований, можно выявить глобализационную культуру западного мира,

---

⁵⁸Апресян Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. — Вып. 2. — М., 2001. С.31

которая становится и развивается не в следствии своей уникальности и популярности, а в следствии ее отсутствия, движимая механизмом символического насилия. Таким образом, втянутые в западный либеральный дискурс, мусульмане сами себя считают вторым миром, по сравнению с развитыми странами запада. «Зло здесь возникает как дух жертвенности, как готовность пренебречь своим благополучием, если своей жертвой я смогу лишить другого Другого его *jouissance*...». ⁵⁹

---

⁵⁹ Жижек С. О насилии. – М.: «Европа», 2010. С.74

Заключение.

Подводя итоги исследования страха как фактора моральной легитимации насилия, следует кратко осветить основные выводы для создания цельного взгляда на проделанный ход работы и его следствия в виде отдельных положений. Страх как феномен может иметь два типа: повседневный, предметно-определённый страх-боязнь лежащий в плоскости рассмотрения психологии, или глубокий и фундаментальный беспредметный страх-тоска, являющийся предметом философии. Двумя главными особенностями психологического чувства страха являются: интенциональный характер, и ожидание возможного причинения зла. Страх как философская категория мироощущения, имеет беспредметную направленность и связана с возможностью осознанного выбора в контексте будущей неопределенности, как страх неизвестного. Важное этическое следствие заключается в использовании страха-боязни как предпосылки ожидания возможного зла. Второй вид страха важен с этической точки зрения, потому что отсылает человека к осознанию свободы, как чистой возможности, и является основанием для ее присутствия. Таким образом можно рассматривать страх как предпосылку к свободному и ответственному действию.

Насилие это особый вид общественных отношений возникающих на почве распределения власти и подчинения объекта насилия воли субъекта, против желания первого. Важной характеристикой насилия является его инструментальность и необходимость в существовании достигаемой цели. В ходе рассмотрения данного понятия была выявлена рациональная и социальная природа насилия, что говорит о насилии как осознанном поступке, который подлежит этической оценке. Субъективное насилие имеет ярко выраженную негативную моральную оценку, из-за самого противоречия общегуманистическим ценностям и своей направленностью к самовоспроизводству, что противоречит характеру насилия как инструменту для достижения цели. Символическое насилие свободно является

имморальным феноменом, потому что представляет собой основу для создания общего поля коммуникации. В таком свете символическое насилие не может рассматриваться в моральном дискурсе, в силу своего необходимого присутствия в функционировании символических структур.

Возможным следствием совмещения насилия и страха в современном обществе является политические действия в виде террора, легитимной власти наказывать и явления терроризма. Политика террора представляет собой, насилие, явленное в страхе, следствием чего становятся извращенные отношения власти и насилия, при которых роль насилия сместилась от средств к цели, и стало воспроизводить само себя, прикрываясь аргументом поддержания власти. Исследование показало, что смешение насилия со страхом увеличивает психологический эффект от насилия, что ярко иллюстрирует факт обращения к террору во время революция или насильственных режимов тоталитаризма.

Терроризм представляет собой страх, явленный в насилии. Он может возникнуть вследствие глобализации культуры, и желании отчаянной попытки насильно втянутых в глобализацию выразить свой протест, чтобы быть услышанными и заявить о своем статусе «другого» по отношению к глобализационной западной культуре.

Терроризм как ответ глобализирующей системе может быть воспринят имморально, как естественное следствие внутренней пустоты и виртуальности современной культуры и общественных отношений. В данном случае сам теракт, безусловно, является морально-осудительным, но общее следствие будет носить имморальный характер. Так же терроризм может представлять действия, исходящие из принципов морали ресентимента. Он будет иметь однозначный аморальный характер. Имморальный терроризм связан с внушением фундаментального абсурдного страха, в свою очередь, терроризм несущий в себе мотив морали ресентимента производит

объективно-определенный страх, связанный с желанием разрушить ценности культуры, определяющей чувство зависти.

В самом имморальном терроризме страх берется как главное оружие с примесью абсурдности, иррациональности, что аннулирует возможность последовательно аргументировать, в соответствии с логикой ценностей глобализационной культуры террористический акт в виде положительного или отрицательного явления. На него можно смотреть с точки зрения представления возможности ожидания самого худшего. Акцент смещается от насилия к столкновению с идеей свободы, как пугающе иррациональной стихией, неподвластной предсказанию человеком, и, соответственно, восприятию себя как временного человека, по сравнению с самой свободой, которая может внезапно убить всех одним терактом.

За этим можно предположить, что насилие никогда не может быть морально оправданно. Единственное положение насилия отличного от аморального находится вне морального дискурса. Но насилие можно легитимизировать с помощью фундаментального страха. Логика будет такова, что страх как чувство встречи человека со свободой выбора, во-первых, является предпосылкой свободы, которая есть необходимое условие для доброй воли, во вторых, дает решение поступать осознанно, то есть становится субъектом автономной воли в моральном дискурсе. Если обобщить эти следствия страха, то можно прийти к заключению, что страх налагает ответственность. А принципом ответственности можно пользоваться в случае применения насилия, так как это единственное что может легитимизировать, как факт согласия моральных субъектов, насилие с этической точки зрения – то, что оно изначально будет использоваться как отрицательное средство с, скорее всего отрицательными последствиями. Таким образом, насилие будет морально легитимно, но не оправдано, когда субъект насилия будет сам испытывать страх совершая насильственных акт в виде подчинения воли,

страх в этом случае будет рассматриваться как присутствие отношений ответственности.

Список Литературы.

1. Абрамович Г. Ю. Философский анализ трактата «Понятие страха» датского философа С. Кьеркегора // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. №156. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofskiy-analiz-traktata-ponyatie-straha-datskogo-filosofa-s-kierkegora>
2. Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии <http://www.intelros.ru/subject/figures/ruben-apresyan/12487-etika-sily-v-protivostoyanii-nasiliyu-i-agressii.html>
3. Апресян Р.Г. Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. — Вып. 2. — М., 2001. — 231 с.
4. Арендт Х. О насилии / Пер. с англ. Г.М. Дашевского М.: Новое издательство, 2014. —148 с.
5. Арендт Х. Ответственность и суждение / пер. с англ. Д. Аронсона, С.Бардиной, Р.Гуляева. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. – 352 с.
6. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 224 с.
7. Васильева Н. А. Феномен страха: онтологический статус и пути преодоления страха // МНКО. 2014. №5 (48). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-straha-ontologicheskiiy-status-i-puti-preodoleniya-straha>
8. Гишинский Я.И. Социальное насилие – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 185с.
9. Гусейнов А.А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии, 2004. № 3. С. 19–28.
10. Гусейнов А.А. Понятие насилия // Этика / Под ред. А.А.Гусейнова и Е.Л.Дубко. М.: Гардарики, 1999. С. 401, 413.
11. Жижек С. О насилии. – М.: «Европа», 2010 – 184с.
12. Малышев М.А. Концепция тоталитаризма в творчестве Ханны Арендт // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2010. №10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-totalitarizma-v-tvorchestve-hanny-arendt>
13. Мюрберг И. И. Дискурс насилия: К. Шмитт против Х. Арендт // Власть. 2010. №5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-nasiliya-k-shmitt-protiv-h-arendt> (дата обращения: 07.05.2016).
14. Пустовойт Ю.В. Рефлексия проблемы страха в гуманитаристике // [Гуманитарные науки и образование](#). 2011. № 3. С. 38-41.
15. Пустовойт Ю. В. Феномен «Страха»: взгляд сквозь призму этимологии // Вестник ТГУ. 2007. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-straha-vzglyad-skvoz-prizmu-etimologii>

16. Пустовойт Ю.В. Страх как этическая категория в патристике. // Гуманітарні студії. 2008. № 4. С. 177-180.
17. Пустовойт Ю.В. «Страх божий» и его современное понимание: к вопросу о «растлении смыслов» // Научные труды Северо-Западного института управления. 2013. Т. 4. № 5 (12). С. 290-294.
18. Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. - М.: Прогресс-Традиция, 2010. - 288 с.
19. Федорышин Владислав Викторович Страх как основа насилия (на примере терроризма) // ОНВ. 2009. №4-79. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strah-kak-osnova-nasiliya-na-primere-terrorizma> (дата обращения: 07.05.2016).
20. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: «Ad Marginem», 1999 – 479 с.
21. Этика: Энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. — М.: Гардарики, 2001. — 671 с.
22. Кьеркегор С. Понятие страха. М.: Академический проект, 2014. – 217 с.